

© Гниленко А. А. Мысык И. Г.

6. Сурова Е.Э. Глобальная эпоха: полифония идентичности / Е.Э. Сурова.—СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005 .—352 с.
7. Хайдарова Г.Р. Время медиатехнологий: боль и скука / Г.Р. Хайдарова // Медиафилософия : основные проблемы и понятия.—2008. — С. 219-228.
8. Штайн О. А. Трансформация телесности в современном мире / О. А. Штайн // Вестник Удмуртского университета. — 2010. — № 1. — С. 99-102.

Гниленко А. А. – студентка V курса историко-философского факультета Государственного учреждения «Южно-украинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

Мысык И. Г. – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южно-украинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

УДК 115+83.0

О ПОНЯТИИ ХРОНОТОП М. М. БАХТИНА

В статье рассматриваются категории художественного времени, художественного пространства. Проводится анализ хромотопного мышления и восприятия. Осмыслиется функциональное назначение трех основных хромотопических типов времени и пространства.

Ключевые слова: время, пространство, хромотоп, художественная картина мира.

ПРО ПОНЯТТЯ ХРОНОТОП М. М. БАХТІНА

У статті розглядаються категорії художнього часу, художнього простору. Проводиться аналіз хромотопного мислення і сприйняття. Осмислюється функціональне призначення трьох основних хромотопічних типів часу і простору.

Ключові слова: час, простір, хромотоп, художня картина світу.

M.M. BAKHTIN'S CONCEPT OF THE CHRONOTOPE

The categories of the artistic time and artistic space are considered in this article. An analysis of the chronoscopic thinking and perception are held. The functional purpose of three main types of chronotopic time and space was interpreted.

Key words: time, space, chronoscope, artistic image of the world.

Целью данной работы является выявление специфики категории художественного времени и художественного пространства на основе работ М. М. Бахтина, а также осмысление понятия хромотоп как концепта пространственно-временной взаимосвязи. При подготовке статьи, помимо тематических работ и первоисточников, нами были рассмотрены и интегрированы хрестоматийные материалы [5].

Проблематика хромотопа впервые была озвучена российским физиологом Алексеем Алексеевичем Ухтомским, который указывал на закономерную связь пространственно-временных координат [6, с.347]. Согласно М. М. Бахтину, «хромотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хромотопом, причем в литературе ведущим началом в хромотопе является время. Хромотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хромотопичен»[1, с.122].

Художественное пространство неоднородно. Являясь многоуровневым образованием, его невозможно охватить статичным взглядом, направленным на одну из граней. Для полного понимания хромотопа, наблюдателю необходимо фиксировать все его уровни. Из этого следует, что одной из характеристик хромотопа является множественность.

Анализируя художественные методы Шекспира и Рабле, Бахтин осмыслил идею хромотопа так: у Рабле смещается ценностная вертикаль (ее «низ» и «верх») перед статичным «взглядом» автора и героя, а у Шекспира – схожий образ ценностной вертикали, однако отличие в том, что смещается не сама схема, а внимание читателя перемещается помощью изменения хромотопов: то в начало, то в

конец.

Примечательно, что именно время, а не пространство Бахтин отмечает как ключевое начало в литературном хронотопе. Реальность исторического времени отображается по-разному. Античность создала три основных типа романа, соответственно – три типа хронотопов.

Первый тип М. М. Бахтин условно назвал «авантюрным романом испытания». К нему относится «греческий» («софистический») роман (II-VI в.н.э.). Для этого типа романов характерно «авантюрное время» с его специфическими особенностями. Сюжеты этих романов очень похожи, их элементы зачастую одинаковы. Меняется лишь количество и последовательность их размещения.

Второй тип романа М. М. Бахтин обозначил как «авантюрно-бытовой». Элементы этого типа романа присутствуют в таких жанрах античной литературы, как сатира, и даже в раннехристианских произведениях (жития). Особенность этого типа – сочетание авантюрного и бытового времени. Хотя они и не слишком длительны, но определяют окончательный образ человека и направление его последующей жизни. События происходят случайно, они «характеризуются случайной одновременностью и случайной разновременностью».

Третий тип античного романа М. М. Бахтин представил как «биографический». Особенностью этого типа является «биографическое время» и новый образ человека, который проходит свой жизненный путь.

М. М. Бахтин отмечает также две разновидности автобиографий: «платоновский тип» и «риторическая автобиография и биография».

Средневековый рыцарский роман характеризуется использованием авантюрного времени. Оно делится на сегменты (авантюры), внутри которых оно имеет абстрактно-техническую структуру, поэтому его связь с пространством во многом также оказывается техничной. Хронотоп средневекового рыцарского романа представляет собой своеобразный мир чудес, заколдованный, магический мир в авантюрном времени. В этом мире все вещи обладают какими-нибудь особыми мистическими качествами, либо они зачарованы. «В рыцарском романе и самое время становится до некоторой степени чудесным. Появляется сказочный гиперболизм времени, растягиваются часы, и сжимаются дни до мгновения, и самое время можно заколдовать; появляется здесь и влияние снов на время, то есть здесь появляется характерное для сновидений специфическое искажение временных перспектив; сны уже не только элемент содержания, но начинают приобретать и формообразующую функцию, равно как и аналогичные сну «видения» [1, с.190].

Более того, в рыцарском романе возникает субъективная игра временем (нарушение временных соотношений в хронотопе чудесного мира) и пространством (нарушение пространственных отношений).

Пространство делает время явным, раскрывает его. В свою очередь, только благодаря времени само пространство делается измеримым и осмысленным.

Идея о превосходстве времени над пространством в хронотопе верна лишь по отношению к литературным хронотопами, исключая хронотопы иных разновидностей искусства. При этом в хронотопах литературы время выступает в качестве лидирующего начала не всегда.

Хронотоп, согласно Бахтину, есть «определенная форма ощущения времени и определенное отношение его к пространственному миру» [1, с.239]. С учетом того, что не во всех литературных хронотопах время явно доминирует над пространством, точнее было бы представлять пространство и время не как их противопоставление друг другу, а как характеристику хронотопа в качестве способа связи реального местоположения и времени (истории). Хронотопом выражается типичная для конкретной эпохи форма ощущения пространства и времени в их единстве.

Бахтин утверждает, что хронотопом определяется художественное единство литературного произведения относительно реальной действительности. Следовательно, хронотоп всегда имеет в себе некий ценностный момент, отображающий в художественном произведении реальную действительность и ее основные значимые черты. «Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены... Искусство и литература пронизаны хронотопическими ценностями разных степеней и объемов. Каждый мотив, каждый выделяемый момент художественного произведения является такой ценностью» [1, с.275].

В основном акцентируя внимание на масштабных определенных хронотопах, определяющих ключевые разновидности европейского романа на начальных этапах развития, Бахтин также указывает на то, что большие хронотопы могут состоять из неограниченного количества других хронотопов, более мелких. «...Каждый мотив может иметь свой особый хронотоп» [1, с.284]. То есть,

большие хронотопы могут слагаться из частей, так называемых «мелких» хронотопов. Кроме таких элементарных хронотопов, как хронотопы дороги, лестницы, замка Бахтин выделяет хронотопы семейно-идиллический, трудовой идиллии и природы. «В пределах одного произведения и в пределах творчества одного автора мы наблюдаем множество хронотопов и сложные, специфические для данного произведения или автора взаимоотношения между ними, причем один из них является объемлющим, или доминантным... Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях... Общий характер этих взаимоотношений является диалогическим (в широком понимании этого термина)»[1, с.284].

Однако эти диалогические взаимоотношения хронотопов не входят в реальность, представленную в произведении. Диалог хронотопов является, скорее, частью реальной действительности в субъективном осмыслении: с позиций создателя произведения, зрителя, etc.

Хронотопы литературы несут в себе сюжетный смысл, с их помощью отображаются основные явления и факты, которые описывает автор. «В хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетобразующее значение»[1, с.282].

Хронотопы играют важную роль с точки зрения образности. В хронотопе детализируются сюжетные факты, время изображается иллюстративно и отчетливо. Возможно затрагивание явления с четкой установкой на время и локацию его реализации. Однако модели явления требуется хронотоп, который может дать основу для его изображения. Он детализирует и уплотняет характеристики времени в некоторых точках пространства.

Именно хронотоп является доминирующим пунктом для раскрытия эпизодов романа, остальные же события изображаются в виде кратких информационных сообщений. «...Хронотоп как преимущественная материализация времени в пространстве является центром изобразительной конкретизации, воплощения для всего романа. Все абстрактные элементы романа – философские и социальные обобщения, идеи, анализы причин и следствий и т. п. – тяготеют к хронотопу, через него наполняются плотью и кровью»[1, с.283].

Как отмечает Бахтин, исследование хронотопов выходит далеко за рамки литературы и искусства. В любой области знания требуется осознание концептуальной базы, которая в некоторых случаях не может быть охвачена пространственно-временными дефинициями. К примеру, в физике или математике нет конкретных атрибуций пространства и времени, а есть только знаки, с помощью которых можно определить те или иные пространственно-временные феномены. Однако эти знаки существуют лишь в нашем мышлении.

Как и в абстрактном научном, так и в художественном мышлении важно содержание. По аналогии с вышеупомянутыми науками, для того, чтобы быть воспринятым, содержанию требуется форма – знак, который может быть познан. Если нет формы, с помощью которой познается понятие, то невозможно представить и образное мышление. «...Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [1, с.290].

Бахтин проанализировал хронотопы трех типов романа, в которых наиболее ясно нашла свое отражение существующая действительность: средневекового рыцарского; «Божественной комедии» Данте; романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Каждый из перечисленных типов соответствует бытующему мировоззрению своего исторического периода. Первый – традиционный, статичный; второй с намеками на грядущие изменения в представлениях о картине мира, и, наконец, третий – характеризующийся четкими заявками на свержение устаревшего средневекового миропонимания и становления новой эпохи.

В рыцарском романе герой и его мир едины, они созданы из цельного элемента. Всеобщность этого мира проявляется в том, что герой, путешествуя и совершая подвиги, везде, во всех странах по всему миру остается ознаменованным одной и той же репутацией, во всем мире знают о его заслугах и проступках. Авантюрное время не идентично реальному. Многие события, подвергнутые расширению и сокращению времени, вовсе исчезают из романа. Несоблюдение хронологических пропорций рыцарского романа сопровождается субъективным изображением пространства. Это своего рода условное искажение пространства.

В живописи Средневековья особое внимание уделялось вольному отношению творца к проекции пространства, однако все же оно было определенным образом упорядочено и ориентировано на то, чтобы изобразить весь возвышенный трансцендентальный мир в бытовом доступном изложении. Впоследствии, так как влияние этого феномена оказалось весьма существенным, понимание художественного времени и пространства было пересмотрено.

У Данте тоже очевидно переосмысление пространственно-временных позиций художественного мира, четко прослеживается вертикальное отражение мира.

Мир, который он изображает, очень гибкий. Он состоит из семи кругов чистилища, девяти кругов Ада внизу – и десяти небес вверху, и по всем этим кругам происходит вертикальное движение. Верх и низ, как и в живописи, отличаются тем, что первый характеризуется возвышенностью и непознаваемостью, а низ – напротив, материален и приземлен. Специфика времени в таком мире сводится к синхронности всего сущего и единовременности происходящего. Стираются границы между прошлым, уже наступившим и будущим, мир воспринимается как единое мгновение. Подлинный смысл существования становится познаваемым лишь в этом самом мгновении, в синхронности, поскольку такие модусы времени как настоящее, прошлое и будущее не несут в себе смысловой нагрузки.

Данте писал в то смутное время, когда существующее мировоззрение начинало стремиться к неуклонным видоизменениям, менялись ценности и традиции общества. Поэтому его герои обладают внушительной долей историчности, они изображены вполне характерными для своей эпохи и являются ее лицом. Прослеживается огромная тяга к тому, чтобы покинуть одномоментную вертикаль мира и изменить привычный уклад жизни на прямой, горизонтальный, который обеспечил бы прогрессивное движение. «Каждый образ полон исторической потенцией и потому всем существом своим тяготеет к участию в историческом событии во временно-историческом хронотопе» [1, с.193]. В этом кроется исключительная напряженность, несвобода мира Данте. Эта напряженность создана борьбой реального исторического времени и потусторонней вневременной идеальностью. Словно вертикаль не пускает, зажимает в себе рвущуюся вперед горизонталь.

Творчество Рабле ознаменовало начало разрушения средневековых романских хронотопов, которые отличались не столько недоверием, сколько даже пренебрежением к земному времени и пространству.

Бахтин рассматривает хронотоп романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», который находится в резком противоречии с наиболее типичными хронотопами средневековых романов, как такой, в котором бросаются в глаза необычные пространственно-временные связи. Человеческие действия соотносятся с пространственно-временными параметрами, устанавливается также прямая пропорциональность ценностей предметов их пространственно-временным размерам. Ценное должно реализовывать свою качественность в пространственно-временной значительности, как можно дальше распространяться, как можно дольше существовать. Всё действительно позитивное обязательно достойно пространственно-временного расширения. Отрицательное же – жалкое, маленькое – должно быть уничтожено, оно не может препятствовать предотвращению своей гибели. Если драгоценные камни и жемчужины хорошие, значит их должно быть много. Хронотоп подчиняется пространственно-временному. «...Всё доброе растет, растет во всех отношениях и во все стороны, оно не может не расти, потому что рост принадлежит к самой природе его. Худое же, напротив, не растет, а вырождается, оскудевает и гибнет, но в этом процессе оно компенсирует свое реальное уменьшение лживой потусторонней идеальностью» [1, с.202].

Такой подход прямо противоположен обычному средневековому мировоззрению, согласно которому ценности противопоставлены пространственно-временной реальности как бренному, суетному и греховному началу. Связи вещей, которые усматривало Средневековье, есть не реальные, а символические, поэтому большое имеет право символизироваться малым, вечное – мгновенным, а сильное – немощным и слабым.

Задача Рабле состоит в очищении и восстановлении реального мира и человека. В этом выражено желание освободить пространственно-временной мир от элементов, разлагающих его. От потустороннего мировоззрения, от иерархического и символического осмысления мира. Следует разрушить ложную и построить новую средневековую картину мира, для этого необходимо разорвать все фальшивые связи между идеями и вещами, дать им возможность вступить в свободные сочетания, присущие их природе. Новая картина мира будет проникнута реальной внутренней необходимостью. Разрушение старой и созидание новой картины мира у Рабле неразрывно связаны.

Раблезианский хронотоп формирует новое значение человеческой телесности в действительном пространственно-временном мире. Настоящим измерителем мира, мерой его подлинной ценности и весомости для человека становится человеческое тело. Конкретная человеческая телесность придает миру конкретную реальность и новый смысл.

В средневековом видении человеческого тела преобладают мотивы преодоления и тленности. В реальной жизни господствовала грязная и грубая телесная разнузданность. Картина мира Рабле

противопоставляет конкретную человеческую телесность как аскетическому, так и грубому, разнузданному средневековому миру.

Задача Рабле заключалась в том, чтобы собрать распадающийся мир на новой материальной, а не религиозной основе. Рабле создал хронотоп, который противопоставляет эсхатологизму творческое, продуктивное время, которое измеряется не разрушением, а ростом и созданием. «Пространственно-временной мир Рабле — вновь открытый космос эпохи Возрождения. Это, прежде всего географически отчетливый мир культуры и истории. Далее, это астрономически освещенная Вселенная. Человек может и должен завоевать весь этот пространственно-временной мир» [1, с.275].

В описании Бахтина сопоставление хронотопа рыцарского романа и хронотопа Данте с раблезианским хронотопом позволяют более ясно ощутить разнообразие средневековых хронотопов и своеобразие культуры, которая их породила.

Время же Достоевского, равно как и специфику категории пространства его романов, М. М. Бахтин объясняет таким образом: «Событие взаимодействия полноправных сознаний, не поддающееся обычному сюжетно-прагматическому истолкованию» [2, с. 9]. Оно требует другой «неэвклидовой концепции» пространства и времени.

Итак, хронотоп Бахтина, представляя собой взаимосвязь между категориями времени и пространства, является своеобразным детерминантом концептуальной модели разных эпох. Его основная роль состоит в отображении ценностного и культурного пласта общества, сравнении значимых позиций того или иного времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. : Сб. — М.: Худож. лит., 1975. — 504 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин — Изд. 3-е. — М. : Художеств. лит., 1972. — 470 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин — 2-е изд. — Л. : Прибой, 1929. — 244 с.
4. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин — 2-е изд. — М. : Художеств. лит., 1990. — 543 с.
5. Микешина Л.А. Философия науки. Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: Хрестоматия / [отв. ред.-сост. Л.А Микешина]: Прогресс-Традиция, 2005.—992 с.
6. Ухтомский А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. — СПб. : Питер, 2002. — 448 с.

Дзюбенко М. А. — аспирантка кафедры философии и социологии государственного учреждения «Южно-украинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского»

УДК: 303.6+345.026.8

НЕНАСИЛЬСТВЕННАЯ КОМПОНЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются основные ненасильственные методы сопротивления милитаристическому укладу политических отношений. Анализируется их философская составляющая. Проводится анализ мотивационных установок индивида при выборе ненасильственной политической позиции.

Ключевые слова: ненасилие, пацифизм, милитаризм, антимилитаризм, политическое отчуждение, власть, сила, политическая реальность.

НЕНАСИЛЬНИЦЬКА КОМПОНЕНТА ПОЛІТИЧНОЇ РЕАЛЬНОСТІ

У статті розглядаються основні ненасильницькі методи опору мілітаристського укладу політичних відносин. Аналізується їх філософська складова. Проводиться аналіз мотиваційних установок індивіда при виборі ненасильницької політичної позиції.

Ключові слова: ненасильство, пацифізм, мілітаризм, антимілітаризм, політичне відчуження, влада, сила, політична реальність.